

ГЛАВА II

Образованіе

До сихъ поръ мы говорили только о домашнемъ воспитаніи японки. Та часть ея воспитанія, которую она получаетъ отъ учителей и въ школѣ, должна быть предметомъ отдѣльной главы. Японія отличается отъ большей части странъ Востока тѣмъ, что ея женщины считаются достойными того приобщенія къ культурѣ, которое достигается путемъ книжныхъ занятій; и несмотря на то до недавняго времени женскія школы были неизвѣстны въ имперіи. Каждая женщина, за исключеніемъ только принадлежащихъ къ самымъ низшимъ классамъ, обучалась чтенію и письму японскими знаками, а нѣкоторые даже допускались къ чтенію китайскихъ классиковъ и обучались поэтическому искусству. Этимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми познаніями въ музыкѣ, знакомствомъ съ этикетомъ, составленіемъ букетовъ и разныхъ украшеній изъ цвѣтовъ, а также знаніемъ чайной церемоніи и, во многихъ случаяхъ, не только искусствомъ каллиграфіи, но и рисованіемъ красками цвѣтовъ, въ старые дни исчерпывались всѣ требованія по отношенію къ образованію, предъявлявшіяся къ обыкновенной женщинѣ. Въ низшихъ классахъ, особенно въ классѣ купеческомъ, дѣвушка иногда обучалась различнымъ пантомимнымъ танцамъ, которые можно весьма часто видѣть и нынѣ въ исполненіи

профессіональных танцовщицъ. Среди же женщинъ высшихъ классовъ умѣнье танцовать обыкновенно не поощрялось. Дочери купцовъ обучались спеціальнымъ танцамъ не только для дома, но даже и для участія въ матсури или религіозномъ праздникѣ, и всегда съ цѣлью увеселенія ими зрителей, а отнюдь не имѣя въ виду собственнаго удовольствія. Эти танцы скромны и граціозны, но уже вслѣдствіе самаго факта, что имъ обучаются для представленія затѣмъ напоказъ, хотя бы передъ избраннымъ и немногочисленнымъ составомъ зрителей, и что они чаще всего исполняются профессіональными танцовщицами сомнительнаго положенія, высшіе классы японцевъ не увлекаются особенно обученіемъ дочерей своихъ танцамъ.

Въ старыя времена маленькія дѣвочки не посылались въ школу, но получали необходимое обученіе чтенію и письму въ домѣ приватнаго учителя. Письмо и чтеніе въ началѣ изучается одновременно, причѣмъ учитель пишетъ букву на бумагѣ, произнося въ то же время ея названіе, а ученикъ пишетъ ее нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока не научится писать ее въ совершенствѣ; такимъ образомъ названіе и форма нераздѣльно запечатлѣваются въ его памяти. Писать кисточкой, обмокнутою въ тушь, на мягкой бумагѣ, при условіи, что рука не имѣетъ никакой поддержки, — искусство, которое рѣдко можетъ развить въ себѣ взрослый человѣкъ; но когда этому искусству обучаются съ дѣтства, то оно сообщаетъ рукѣ громадную ловкость, неоцѣненную во всякомъ другомъ ручномъ трудѣ. Въ этомъ лежитъ, можетъ быть, причина, почему японцы цѣнятъ хорошій почеркъ выше всякаго другого искусства, какъ свидѣтельствующій о ловкости руки, составляющей секретъ успѣха ихъ во всѣхъ ремеслахъ, потому что тотъ, кто пишетъ хо-

рошо и быстро китайскими письменами, можетъ быстро научиться исполнять своими пальцами всякія тонкія работы.

Недостатокъ, присущій японской системѣ и кроющійся глубже, чѣмъ въ методъ обученія, а именно, въ идеографическомъ характерѣ письменъ, состоитъ въ томъ, что она, культивируя память и наблюдательность до замѣчательной степени, а также сообщая большое искусство пальцамъ, мало развиваетъ мыслительныя способности *. Годы обученія, требующіеся

* Японскія письма составляютъ странное сочетаніе японскихъ и китайскихъ буквъ, почему знаніе этихъ послѣднихъ необходимо для японца. Китайскія книги написаны китайскими идеографами, которые, конечно, не даютъ никакого ключа къ произношенію, читаются японцами съ японскимъ переводомъ словъ и японскимъ порядкомъ ихъ во фразахъ. Когда въ японскомъ языкѣ нѣтъ равнозначущихъ словъ, то въ него вводятъ китайскіе термины, такъ что въ немъ теперь усвоено много китайскихъ словъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ разговорной рѣчи. Въ образованіи новыхъ словъ и техническихъ терминовъ употребляютъ китайскія слова, какъ греческія и латинскія у насъ. Вѣроятно, нѣтъ сродства въ происхожденіи двухъ разсматриваемыхъ восточныхъ языковъ, но японцы заимствовали отъ китайцевъ, приблизительно въ шестомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова, ихъ, хотя и остроумный, однако же въ высшей степени сложный методъ выраженія мыслей письмомъ. Введеніе китайской литературы много сдѣлало для Японіи, и изученіе китайскаго языка составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ въ образованіи каждого японца. Ему приходится выучить, по крайней мѣрѣ, семь или восемь тысячъ знаковъ для обыденной рѣчи и чтенія и нѣсколько различныхъ способовъ начертанія каждого изъ нихъ. Ученый же долженъ выучить двойное число знаковъ, если еще не болѣе, чтобы быть въ состояніи читать различныя произведенія богатой китайской литературы.

Собственно японскій алфавитъ или кана содержитъ 48 буквъ, и въ книгахъ и газетахъ, назначаемыхъ для простого народа, рядомъ съ текстомъ, напечатаннымъ китайскими идеографами, печатается переводъ его японскимъ алфавитомъ ⁸.

Отъ японской женщины изученіе китайскаго языка почти не

для усвоенія литературнаго языка настолько, чтобы понимать уже разработанныя мысли, оставляютъ сравнительно мало времени для сколько нибудь продолжительныхъ упражненій въ самостоятельномъ мышленіи, и поэтому мы находимъ, что японскія дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, обладаютъ быстротой пониманія, хорошей памятью, прилежаніемъ и умѣньемъ готовить уроки, но малой оригинальностью мышленія. Я думаю, что именно вслѣдствіе свойствъ литературнаго языка и затрудненій, сопровождающихъ изученіе его, учащійся японецъ изучаетъ, въ сущности, чужія мысли и чужіе способы выраженія ихъ о разныхъ предметахъ, вмѣсто того, чтобы изучать самые предметы.

Музыка въ Японіи является достояніемъ почти исключительно женщинъ, священниковъ и слѣпцовъ. И, мнѣ кажется, слава Богу, что музыкальное искусство тамъ не распространено болѣе, такъ какъ японская музыка, говоря вообще, далека отъ того, чтобы быть пріятной „невоспитанному уху бѣлаго варвара“⁹. Кто—самый пріятный изъ японскихъ инструментовъ, но, вѣроятно, вслѣдствіе его большихъ размѣровъ, дѣлающихъ неудобнымъ держаніе его въ маленькомъ японскомъ домѣ, онъ употребляется большею частью въ семействахъ высшихъ классовъ, начиная съ класса самураевъ^{*}. Этотъ инструментъ можетъ назваться

требуется. Она должна, конечно, научиться немногимъ наиболѣе употребительнымъ знакамъ, которыми пользуются обыкновенно въ письмахъ, а для обыденнаго чтенія для нея считается достаточнымъ лишь изученіе кана.

*) Самураи въ феодальныя времена составляли наследственную свиту даиміа или феодальнаго лорда. Военные и ученые выходили изъ ихъ среды. Дальнѣйшія свѣдѣнія о нихъ см. въ главѣ VIII „Самурайки“.

прототипомъ фортепіано и представляетъ собою горизонтальную доску (футовъ въ шесть длины), на которой натянуты струны, поддерживаемыя подставками (кобылками) изъ слоновой кости. На немъ играютъ при посредствѣ пластинокъ также изъ слоновой кости, прикрѣпленныхъ къ большому, указательному и среднему пальцамъ правой руки; инструментъ издаетъ пріятные звуки, напоминающіе арфу. Играющая сидитъ передъ кото на полу, на поджатыхъ подъ себя ногахъ, въ обыкновенной японской позѣ, и движенія ея, когда она трогаетъ струны, часто дополняя звукъ инструмента своимъ голосомъ, отличаются красотой и граціей. Обученіе игрѣ на кото или на самисенъ—японской гитарѣ—сосредоточено почти всецѣло въ рукахъ слѣпыхъ, которые поддерживаютъ въ Японіи свое существованіе музыкой и искусствомъ массажи-рованія; можно сказать, что всѣ слѣпцы, которые не могутъ научиться первой изъ этихъ профессій, занимаются второю.

Дѣланіе изъ цвѣтовъ букетовъ считается въ Японіи изящнымъ искусствомъ, и много времени тратится на усвоеніе того, какимъ образомъ отрѣзать, согнуть и укрѣпить на свое мѣсто въ вазѣ каждый цвѣтокъ, стебелекъ и листочекъ, такъ чтобы они казались натурально растущими, потому что цѣль букета не состоитъ только въ томъ, чтобы показать самые цвѣты, но и чтобы дать въ немъ надлежащее расположеніе вѣтокъ и листьевъ растенія; вотъ почему цвѣты въ букетахъ, гирляндахъ и т. п. и не употребляются иначе, какъ на своихъ вѣткахъ, которыя должны быть сгруппированы въ возможной гармоніи. Въ свои цвѣточныя украшенія японцы очень любятъ также вставлять вѣтки сосны, бамбука и цвѣтущей сливы.

Учителя тратят много времени на то, чтобы показать „надлежащія“ и „не надлежащія“ сочетанія различныхъ цвѣтовъ. Выработаны разнообразныя стили цвѣточныхъ декорацій, переданныя въ наслѣдство знаменитыми учителями, основавшими различныя школы этого искусства — популярнаго въ Японіи въ сравненія съ какимъ либо другимъ и требующаго художественнаго таланта и „воспитаннаго“ глаза. Часто можно видѣть въ гостинной японскаго дома вазу съ граціознымъ букетомъ цвѣтовъ, поставленную на токонама, т. е. приподнятый альковъ комнаты, подъ одинокимъ какемоно *, который составляетъ главное украшеніе жилища. Такъ какъ эти два предмета, ваза цвѣтовъ и висящій на стѣнѣ экранъ, являются почти всегда единственными украшениями японской комнаты, то нельзя не согласиться, что качество букета имѣетъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ въ нашихъ, загроможденныхъ мебелью, комнатахъ, гдѣ ваза цвѣтовъ можетъ легко затеряться для глаза въ массѣ предметовъ, ее окружающихъ.

Чайную церемонію не должно смѣшивать съ обыкновеннымъ питьемъ чая, и она требуетъ соблюденія мельчайшихъ деталей этикета, — какъ при самомъ приготовленіи чая, такъ при подачѣ и питьѣ его, — каждый шагъ въ которомъ предписанъ строгимъ кодексомъ, освященнымъ вѣковымъ обычаемъ.

Для этой церемоніи употребляется не листовою чай, какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, а въ видѣ мелкаго зеленаго порошка. Завариваютъ его не въ чайникѣ, но въ особой чашкѣ, причемъ мѣшаютъ жидкость бамбуковою вѣточкой, пока она не вспѣнится. Затѣмъ чай подается, съ большою церемоніей,

*Какемоно—висящій экранъ, на которомъ или нарисована картина, или же написаны поэма или изреченіе.

гостю, который принимает его съ не меньшею церемоніей и выпиваетъ чашку въ три глотка. Если гостей много, то чай готовится для каждаго изъ нихъ по очереди, „въ порядкѣ ихъ ранга“ и въ той же самой чашкѣ. Для церемоніальнаго чая употребляется специальная посуда, античнаго и строго простого стили; въ жаровню для согрѣванія чая кладется тогда особый сортъ чая, и наконецъ вся церемонія происходитъ въ особой, специально для нея приспособленной и для нея только употребляющейся, комнатѣ. Искусство этой церемоніи, которое часто составляетъ особый предметъ обученія дѣвушекъ въ семействахъ высшихъ классовъ, имѣетъ своихъ специальныхъ „профессоровъ“, — часто женщинъ аристократическаго круга, которыя впали въ бѣдность по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ ¹⁰. Я живо помню свой визитъ къ одной старушкѣ, жившей близъ одного провинціальнаго городка въ Японіи, которая въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживала свое существованіе преподаваніемъ этого „вѣжливішаго“ изъ искусствъ. Ея маленькій домикъ, изящнаго и граціознаго типа, казался переполненнымъ тремя иностранками, которыхъ она принимала съ чрезвычайной любезностью. По просьбѣ моего друга, американки, занимавшейся миссіонерскимъ дѣломъ въ этой части страны, она дала намъ урокъ въ этикетѣ чайной церемоніи. Каждое дѣйствіе здѣсь, каждое движеніе, отъ момента внесенія и установки посуды до опорожненія чашки, строго согласовались съ правилами, точно намъ объясненными, и вся церемонія имѣла скорѣе характеръ торжественнаго религіознаго ритуала, чѣмъ легкаго салоннаго угощенія, какъ у насъ.

Вообще усвоеніе этикета всякаго рода въ Японіи не предоставляется случаю, и ему не учатся путемъ

наблюденія и подражанія на свой ладъ, а у учителей-специалистовъ. Все въ обыденной жизни японца имѣть свои правила, которыми учитель этикета проникнуть до конца ногтей. Было нѣсколько знаменитыхъ профессоровъ этикета, и они основали системы, которыя, хотя и различаясь въ деталяхъ, согласны между собою въ главныхъ основаніяхъ.

Молодыя дѣвушки должны изучать требованія этикета до мельчайшихъ подробностей, — положеніе тѣла, рукъ и головы при взаимныхъ поклонахъ, здоровающихся и прощающихся, приемы отпирания и запиранія двери при входѣ въ комнату и выходѣ изъ нея, сидѣнье на полу, опусканье на него и вставанье въ различныхъ случаяхъ, сервировка чая и трапезы всякаго рода, — и я полагаю, что онѣ находятъ все это довольно скучнымъ. Я знаю двухъ молодыхъ дѣвушекъ новой Японіи, не находящихъ ничего болѣе утомительнаго, чѣмъ уроки этикета, отъ которыхъ рады были бы избавиться; и я слышала, какъ онѣ, послѣ ухода учительницы, забавно передразнивали ея натянутыя и „крахмальные“ манеры. Но такія особы, какъ эта учительница, я боюсь, скоро сдѣлаются лишь достояніемъ прошлаго, хотя теперь еще часто можно наблюдать, какъ японки, хотя и усвоившія европейскія манеры, все-таки не могутъ освободиться отъ своихъ отечественныхъ условностей. Съ другой стороны, можетъ быть, именно вслѣдствіе регулярнаго преподаванія приемовъ вѣжливости, японскія дѣвушки никогда не теряются даже въ необычной для нихъ обстановкѣ, но сохраняютъ самообладаніе и находчивость въ такихъ случаяхъ, когда юная американка потерялась бы и обнаружила бы неуклюжую застѣнчивость.

Однако японцы быстро усваиваютъ, что въ нашу дѣловую практическую эпоху остается мало времени

для изученія того, какъ записывать и открывать двери наибѣжливѣйшимъ образомъ, и потому въ новой системѣ образованія предметъ этотъ оставленъ только въ школахъ для дѣвочекъ, мальчикамъ же уже не преподается никакихъ уроковъ этикета.

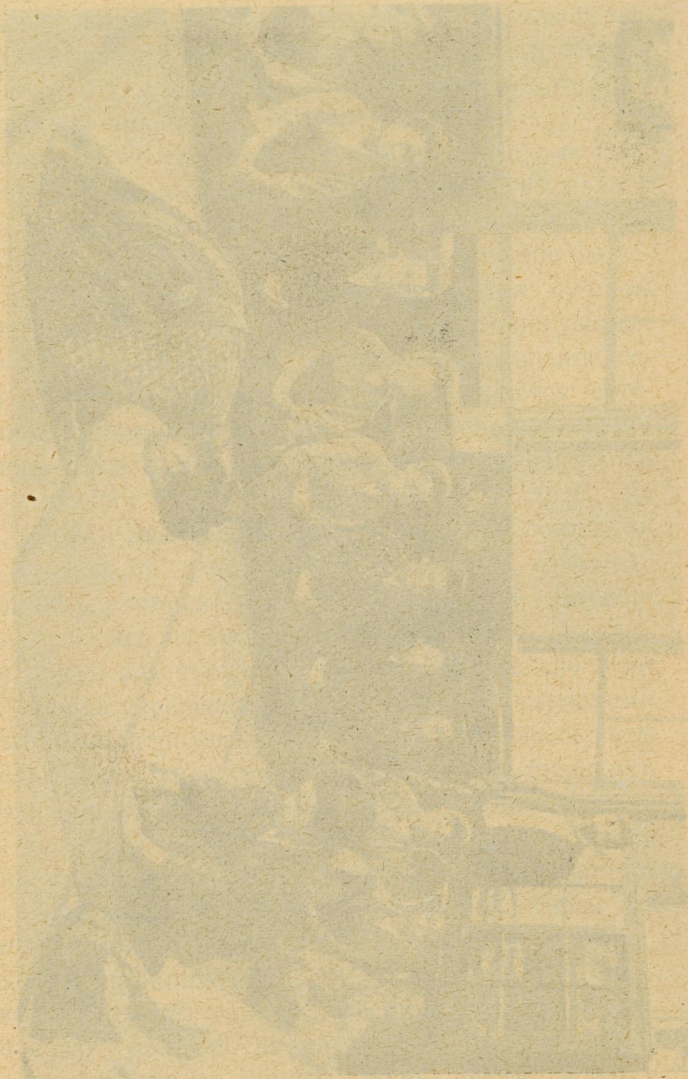
Методъ обученія рисованію цвѣтовъ красками такъ интересенъ, что я должна сказать о немъ нѣсколько словъ прежде, чѣмъ покончить съ предметомъ свѣтскаго образованія. Я сказала уже, что усвоеніе искусства письма китайскими знаками является лучшею подготовкой для изученія другихъ ручныхъ искусствъ; и это особенно вѣрно по отношенію къ рисованію, которое для научившагося уже писать является естественной слѣдующей ступенію. Учитель рисованія или живописи, приходя на урокъ, не приноситъ съ собою никакого рисунка для образца, но садится на полъ, передъ маленькимъ столикомъ, и на листъ бумаги рисуетъ съ чрезвычайною быстротою образецъ, съ котораго ученица должна сдѣлать копію. Начальнымъ образцомъ часто служитъ, напримѣръ, изображеніе двухъ или трехъ стебельковъ травы; но ученица должна перерисовать ихъ въ точности столькими же смѣлыми штрихами, сколькоими нарисовалъ ихъ учитель. Долго упражняется она въ такихъ штрихахъ и обыкновенно, лишь испортивъ много листовъ бумаги, едва-едва находитъ сходство въ своей мазнѣ съ рисункомъ учителя. И тогда она еще долго и настойчиво продолжаетъ дѣлать копію за копіей, пока перейдетъ къ рисованію стебельковъ травы на память. Только научившись исполнять это быстро, къ удовлетворенію своего учителя, ученица принимается за копію новаго рисунка, который, въ свою очередь, выучивается дѣлать на память лишь послѣ долгихъ упражненій. Переходя такимъ образомъ отъ простыхъ

Урокъ этикета (обмѣтъ прѣвѣтствѣй хозяйки дома и гости) въ женской учительской семинаріи въ Нагасаки *.

* Европеецъ на заднемъ планѣ—случайный посѣтитель, по просьбѣ котораго снѣна фотографирована. Японка на переднемъ планѣ въ лѣвомъ углу фотографіи—преподавательница этикета.

THE HISTORY OF THE
REIGN OF
HENRY THE SEVENTH
BY
JOHN HALLAM
ESQ.
OF LINCOLN'S INN
IN TWO VOLUMES
LONDON
PRINTED BY J. JOHNSON, ST. PAULS CHURCH-YARD
1807

рисунковъ къ сложнымъ, ученица приобретаетъ необходимый для японской живописи смѣлость кисти, и лишь послѣ этого ей позволяютъ приняться за копированіе съ натуры или за оригинальный рисунокъ ¹¹.

Я до сихъ поръ говорила только о воспитаніи японскихъ женщинъ при старомъ режимѣ. Что это была, по своимъ результатамъ, производительная и утонченная система, это могутъ засвидѣтельствовать всѣ тѣ, которые имѣли возможность познакомиться съ очаровательными японскими дамами, воспитаніе коихъ было закончено прежде, чѣмъ коммодоръ Перри нарушилъ покой старой Японіи. Когда я пишу эти строки, предомной возникаетъ образъ маленькой изящной женщины съ пріятнымъ лицомъ и ясными глазами, съ которой я имѣла счастье тѣсно сойтись во время пребыванія своего въ Токио. Вдова, оставшаяся послѣ смерти мужа безъ гроша денегъ, съ ребенкомъ, котораго должна была прокормить и воспитать, она имѣла единственный источникъ заработка въ урокъ рукодѣлія въ одной изъ правительственныхъ школъ въ Токио; но во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, какъ ни занята она была своимъ узкимъ дѣломъ, она оставалась образцомъ воспитанной леди съ головы до ногъ. Вѣжливая и веселая, умная и начитанная, бережливая хозяйка, любящая и заботливая мать, истинный и надежный другъ, она живетъ въ моей памяти рядомъ съ лучшими моими воспоминаніями объ Японіи, и она—лишь одна изъ многихъ, которыя могутъ засвидѣтельствовать, до какой степени культуры могли дойти японскія женщины старыхъ временъ.

Но старая Японія уступила мѣсто новой, на нее не похожей, и въ школьной системѣ нынѣ во всей имперіи преобладаютъ школы для дѣвочекъ, не отличающіяся отъ школъ для мальчиковъ. Сначала школы, учре-

жденныя различными миссіонерскими обществами, а затѣмъ и правительственныя, начали давать дѣвочкамъ болѣе широкое образованіе, чѣмъ то, которое ограничивалось изученіемъ китайскаго языка, этикета и свѣтскихъ тонкостей. Теперь каждое утро улицы городовъ и деревень оживляются мальчишками и дѣвочками, стучащими своими гетами, съ книгами и ящичками съ завтракомъ въ рукахъ, идущими въ дѣтскіе сады, элементарныя, среднія, высшія и нормальныя школы. Каждое положеніе въ жизни женщины, каждая степень ея образованія могутъ найти свое мѣсто въ новой школьной системѣ, и дѣвочки горячо пользуются этими заботами о будущемъ и оказываются способными и прилежными ученицами въ духѣ новыхъ требованій.

Нельзя, однако, не замѣтить, что новая система образованія въ Японіи, въ настоящей стадіи своего развитія, требуетъ отъ мальчиковъ и дѣвочекъ слишкомъ много, обременяя ихъ трудомъ, который былъ бы тяжелъ даже и для болѣе развитого мозга. Всѣ требованія старой системы образованія по предметамъ японской и китайской литературы—образованія, поглощающаго лучшіе годы въ жизни мальчика—остались неизмѣнными, но еще усложненными требованіями, входящими въ учебные планы американскихъ школъ по предметамъ математики, географіи, исторіи и естествознанія. Въ добавокъ къ этому, во всѣхъ высшихъ школахъ требуется одинъ иностранный языкъ, и часто два, изъ коихъ наибольшую популярность пользуется англійскій. Много головныхъ болей причиняютъ бѣднымъ прилежнымъ ученикамъ затрудненія при изученіи послѣдняго, начинающіяся уже съ того, что имъ приходится читать слѣва направо горизонтальныя строчки, а не вертикальныя и сверху внизъ, какъ это

ими усвоено въ урокахъ родного и китайскаго языковъ. Но, несмотря на трудность работы, обученіе въ новой школѣ ведется живо, въ здоровой обстановкѣ, и дѣвочки наслаждаются ею. Она позволяетъ имъ быть дѣйствительно дѣтьми, и пока онѣ молоды—быть шаловливыми и веселыми, не требуя обращенія ихъ въ маленькихъ манерныхъ дамъ, какъ требовала старая система. На молодыхъ дѣвушкахъ вліяніе новыхъ школъ сказалось въ томъ направленіи, что изъ нихъ выходятъ болѣе независимыя, самодѣятельныя и сильныя женщины, чѣмъ выходили раньше. Въ домахъ высшихъ классовъ, правда, и теперь еще царятъ многіе пережитки чопорности и манерности старой системы. Можно сказать, что тамъ дѣтей „видишь, но не слышишь“, и тамъ они съ того же времени, какъ учатся ходить, начинаютъ учиться быть вѣжливыми и сдержанными.

Въ новой школѣ преобладаетъ прогрессивный духъ времени, и дѣтей поощряютъ къ свободѣ и наслажденію играми и забавами, которыя естественны для истиннаго ребенка. Многое нынѣ сдѣлано въ Японіи для удовольствія дѣтей, которыя часто любятъ школу болѣе, чѣмъ домъ, и заявляютъ, что не хотятъ каникулъ ¹².

Но молодая дѣвушка, которая окончила свою пріятную школьную жизнь, со всѣми ея преимуществами, не такъ приспособлена, какъ при старой системѣ воспитанія, къ обязанностямъ и испытаніямъ замужней жизни, за исключеніемъ случаевъ, когда избранный для нея мужъ усвоилъ передовыя идеи. Для лицъ, посвятившихъ себя дѣлу воспитанія молодыхъ дѣвушекъ въ современной Японіи, вопросъ, какъ исполнить его надлежащимъ образомъ, является глубокимъ, и выпускъ изъ школы каждой способной ученицы воз-

буждаетъ смѣсь многихъ надеждъ съ тревогами относительно того, достаточно ли подготовлена она своимъ воспитаніемъ для вступленія въ новую жизнь. Безъ сомнѣнія, піонеры должны будутъ пострадать ради счастья и блага многихъ, потому что задача внѣдренія новаго въ старую обстановку дѣйствительно трудна и можетъ быть разрѣшена удовлетворительно только послѣ многихъ опытовъ.

Есть много затрудненій въ организаціи новыхъ школъ, съ которыми слѣдуетъ считаться и которыя надо изучать, чтобы преодолѣть ихъ. Объ одной изъ нихъ уже говорилось, это—задача, какъ лучше соединить старое и новое въ школьной организаціи. Что прежнее изученіе литературы, традиціонныхъ приемовъ вѣжливости и пріятныхъ манеръ не должно быть заброшено совсѣмъ или удалено на послѣдній планъ, это очевидно для всякаго здраваго изслѣдователя рассматриваемаго вопроса. Что болѣе современная и болѣе широкая культура, съ ея высшей нравственностью и высшимъ развитіемъ лучшихъ способностей ума, должна играть большую роль въ Японіи будущаго,—въ этомъ нѣтъ ни тѣни сомнѣнія, и женщины не должны оставаться позади въ поступательномъ движеніи ихъ отечественной страны. Но какъ дать молодымъ умамъ лучшіе продукты мысли двухъ столь различныхъ цивилизацій, это—вопросъ, отвѣтъ на который еще не найденъ, и который не можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ, пока вліяніе новаго воспитанія не началось обнаруживаться въ жизни поколѣнія женщинъ, уже прошедшихъ новыя школы. Другое затрудненіе связано съ вопросомъ гігіены. Большинство новыхъ школьныхъ зданій снабжено скамьями и столами, по образцамъ принятыхъ въ американскихъ школахъ. Многія изъ этихъ зданій отапливаются пе-

чами и каминами. Ученицы въ большинствѣ случаевъ носятъ японскую одежду, которая зимою достаточно тепла для ношенія ея въ комнатахъ, не согрѣваемыхъ искусственно. Этотъ теплый костюмъ въ нагрѣтой комнатѣ заставляетъ ребенка потѣть и простужаться затѣмъ при выходѣ безъ верхняго платья на свѣжій воздухъ. Уже изъ-за одной этой причины возникаютъ многія болѣзни, которыя могутъ быть предотвращены лишь послѣ того, какъ болѣе продолжительный опытъ научить, какъ сочетать костюмы Востока и Запада для приспособленія къ новымъ условіямъ жизни перваго. Другая часть вопроса о сохраненіи здоровья ученицъ лежитъ въ томъ фактѣ, что во многихъ случаяхъ родители не умѣютъ надлежащимъ образомъ заботиться о дѣвочкѣ, со рвеніемъ отдающей желанію не отстать отъ другихъ въ исполненіи школьныхъ требованій. вмѣсто правильнаго распредѣленія часовъ занятій, здоровой пищи и ласковаго сдерживанія, въ которыхъ нуждается дѣвушка при такихъ обстоятельствахъ, наша маленькая японка пользуется свободой сидѣть за приготовленіемъ уроковъ до какого угодно часа ночи или вставать въ какой угодно ранній часъ, ѣсть неудобоваримую пищу во все часы дня, между нормальными часами завтрака, обѣда и ужина, и часто утомляться до такого умственного напряженія, какого не въ силахъ вынести еще не окрѣпшій, деликатный организмъ.

Еще серьезное затрудненіе, съ которымъ приходится считаться новой школьной системѣ въ Японіи, лежитъ въ обычаѣ ея народа совершать браки въ весьма раннемъ возрастѣ молодыхъ людей. Еще прежде, чѣмъ дѣвушка окончила школьное обученіе, ея родители начинаютъ беспокоиться о томъ, не останется ли она у нихъ на рукахъ, если они не воспользуются слу-

чаемъ остановиться на первомъ подходящемъ женихѣ. Иногда дѣвушка храбро борется съ желаніями родителей и остается въ школѣ до окончанія учебнаго курса; но чаще она подчиняется требованіямъ домашнихъ, въ слезахъ прощается со своими подругами и учителями и оставляетъ школу, чтобы сдѣлаться женой въ шестнадцать лѣтъ, матерью въ восемнадцать и—старушкой въ тридцать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ здоровье дѣвушки разстраивается вслѣдствіе угрозъ родителей, что если она не будетъ достаточно успѣвать въ наукахъ, то ее возьмутъ изъ школы и выдадутъ замужъ ¹³.

Таковы затрудненія, которыя, конечно, будутъ преодолены, когда будетъ воспитано цѣлое поколѣніе, представители котораго сумѣютъ избѣгать ошибокъ, вредно вліяющихъ теперь на здоровье японокъ школьнаго возраста. Тѣмъ временемъ пансіоны, которые могутъ считаться съ требованіями здороваго и гигиеничнаго образа жизни дѣвушекъ, могли бы,—еслибы дѣло велось въ нихъ при условіи надлежащаго сочетанія хорошихъ сторонъ восточной и западной системъ научнаго и свѣтскаго образованія,—внести серьезную лепту въ дѣло рациональнаго воспитанія этого поколѣнія. Миссіонерскія школы дѣлають многое въ этомъ направленіи, но воспитанныя въ нихъ дѣвушки повсемѣстно въ Японіи подвергаются суровой критикѣ. Для иностранки, которая, какъ мнѣ это пришлось, жила почти исключительно среди японскихъ дамъ и японскаго воспитанія, манеры дѣвушекъ въ названныхъ школахъ кажутся рѣзкими и неуклюжими; и хотя изъ нихъ выходитъ много благородныхъ женщинъ, дѣлающихъ благородное дѣло, всетаки остается мѣсто для надежды, что въ будущемъ обаятельность манеръ, которая составляетъ отличительную черту

японской женщины, не утратится соприкосновением
ея съ нашей западной рѣзкостью и шероховатостью.
Счастливой середины, безъ сомнѣнія, можно дости-
гнуть; и когда это будетъ сдѣлано, то женщины но-
вой Японіи будутъ способны выдерживать не небла-
гопріятныя для себя сравненія съ женщинами стараго
режима.

Бранъ и Разводъ

ГЛАВА III

Бракъ и разводъ

Когда японская дѣвушка достигаетъ шестнадцатилѣтняго возраста, или около того, то считается, что ей пора выйти замужъ. Обыкновенно ей позволяютъ сдѣлать выборъ или, вѣрнѣе, высказать свое мнѣніе относительно намѣченнаго для нея мужчины; но во всякомъ случаѣ ожидаютъ, что она непремѣнно выйдетъ замужъ за кого нибудь и не будетъ много раздумывать въ этомъ отношеніи. Альтернатива вѣчнаго дѣвчества никогда не допускается. Разъ это такъ, то наша японка имѣетъ свободу выбора по своему вкусу лишь постольку, поскольку она имѣетъ вѣскія данныя для доказательства, что будетъ несчастлива въ бракѣ съ рекомендуемымъ ей женихомъ. Если она положительно отказывается отъ послѣдняго, то ее рѣдко принуждаютъ къ браку съ нимъ, но уже до самаго замужества родственники ея будутъ лишь терпѣть ее въ домѣ, а не относиться къ ней съ сердечной теплою.

Сватовство происходитъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующимъ образомъ. Молодой человѣкъ, который думаетъ, что ему время жениться, проситъ кого либо изъ своихъ женатыхъ друзей подыскать для него красивую * и образованную дѣвушку, которая поже-

* Японскій идеалъ женской красоты отличается во многихъ отношеніяхъ отъ нашего, такъ что почти невозможно для ино-

дала бы сдѣлаться его женой. Другъ этотъ, дѣйствуя скорѣе, какъ его агентъ, „дѣлаетъ развѣдки“ относи-

странца въ Японіи понять сужденіе японцевъ о красотѣ ихъ женщинъ, и даже еще болѣе невозможно для небывавшаго въ Европѣ японца понять основанія сужденій иностранца о красотѣ какъ японокъ, такъ и европейской женщины.

На вкусъ японца идеальное женское лицо должно быть длинно и узко; лобъ высокъ и суживаться къ срединѣ, но расширяться и понижаться къ сторонамъ, напоминая въ очертаніяхъ знаменитую Фузи—гору, которую такъ любитъ японская живопись. Волосы должны быть прямы, блестящаго чернаго цвѣта и абсолютно гладкіе. Японскія дамы, которыя имѣютъ несчастье обладать волнистыми или курчавыми волосами, какъ это нерѣдко бываетъ, тратятъ при туалетѣ столько же труда на распрямленіе ихъ, сколько американскія леди — на гофрированіе и завивку волосъ, когда природа лишила ихъ этой красоты. Глаза должны быть длинны и узки, слегка уклоняясь вверхъ во внѣшнихъ углахъ, а брови должны быть тонко очерчены высоко надъ глазами. Небольшой, но орлиный носикъ долженъ быть, однако, низокъ въ началѣ переносья, причемъ орлиная кривизна его должна начинаться, слѣдовательно, ниже, чѣмъ это бываетъ у человѣка кавказскаго племени; наконецъ, глазныя впадины не должны быть глубоки, не отбѣняясь рѣзко ни лбомъ, ни щеками, ни носомъ. Отвѣчающая этому послѣднему требованію плоскость лица около глазъ и даетъ кротость выраженія всѣмъ молодымъ лицамъ монгольскаго типа, составляющую всегда столь замѣтную характеристику ихъ фizioномій. Ротъ японской аристократки долженъ быть малъ, а губы — пухлыя и красныя; шея — всегда открытая при національномъ японскомъ костюмѣ — должна быть длинна, тонка и граціозно согнута. Цвѣтъ лица долженъ быть бѣлый, какъ слоновая кость, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. Типомъ дышащей здоровьемъ деревенской дѣвушки въ Японіи не восторгаются и находятъ, что всѣмъ, даже румянцемъ на щекахъ, надо пожертвовать въ пользу „деликатности“, которая является непремѣннымъ условіемъ японской красоты. Фигура должна быть субтильна, талія — длинна, но не особенно узка, а бедра узки, что способствуетъ наибольшей эффектности японскаго костюма. Голова и плечи должны быть наклонены немного впередъ, также какъ и бюстъ, слегка согнутый въ таліи — не-

тельно всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ въ кругу своихъ знакомыхъ, и наконецъ рѣшаетъ, что такая-то (допустимъ, что миссъ Роза) была бы хорошею подругой жизни его пріятеля. Придя къ такому рѣшенію, онъ является къ родителямъ миссъ Розы и объясняетъ намѣреніе своего довѣрителя. Если сватовство въ принципѣ одобрено, то обыкновенно устраивается маленькое собраніе въ домѣ кого либо изъ общихъ друзей, гдѣ молодые люди могутъ имѣть случай встрѣтиться и судить о достоинствахъ другъ друга. Если оба они остаются удовлетворенными, то происходитъ формаль-

обходимое условіе женственной и аристократической манеры держаться. При ходьбѣ шагъ долженъ быть короткій и быстрый, съ обращенными внутрь (другъ къ другу) носками, причемъ ноги должны подниматься такъ мало, чтобы гетты или сандалии волочились по землѣ съ каждымъ шагомъ. Это условіе вызывается требованіями скромности вслѣдствіе узкости юбки японскаго платья.

Контрастъ съ очерченнымъ выше типомъ—это бѣлокурые курчавые волосы, круглые голубые глаза, розовыя щеки, прямая съ тонкою таліей и широкими бедрами фигуры многихъ иностранныхъ красавицъ, быстрая походка съ длиннымъ отчетливымъ шагомъ и видъ почти мужской силы и независимости, который свойственъ особенно англійскимъ и американскимъ женщинамъ... И легко видѣть, какъ мало красиваго японцы находятъ въ послѣднихъ. Голубые глаза, глубоко сидящіе въ своихъ впадинахъ и раздѣленные переносѣмъ, выдающимся, какъ барьеръ, между ними, придаетъ, по мнѣнію японца, не испортившаго своего вкуса заграничей, суровость и грубость лицу. Даже дѣти сначала пугаются голубоглазой бѣлокурой иностранки и только послѣ значительно продолжительнаго знакомства съ такою особой перестаютъ обнаруживать безотчетный страхъ въ ея присутствіи. Иностранцы, проживъ долгое время въ Японіи, находятъ, что ихъ вкусъ безсознательно мѣняется, и видятъ къ своему собственному изумленію, что ихъ землячки кажутся непривѣтливыми, суровыми и неуклюжими посреди маленькихъ, кроткихъ, хрупкихъ и граціозныхъ японскихъ дамъ.

ное сватовство—обмѣнъ подарковъ *, и затѣмъ спѣшать свадьбой. Всѣ условія между договаривающимися сторонами заключаются черезъ посредниковъ или „свидѣтелей“, которые принимаютъ на себя отвѣтственность за успѣхъ брака и должны принимать участіе въ бракоразводномъ процесѣ, еслибы послѣдній сдѣлался въ послѣдствіи желательнымъ или необходимымъ.

Свадебная церемонія, которая, по существу, не можетъ назваться ни религіознымъ, ни гражданскимъ обрядомъ ¹⁵, происходитъ въ домѣ жениха, къ которому привозится неvěста, въ сопровожденіи посредниковъ и, — если она изъ высшихъ слоевъ общества, — своей довѣренной подруги, которая будетъ прислуживать лично ей въ теченіе ея новой жизни въ домѣ мужа. Приданое неvěсты — гардеробъ и хозяйственная обстановка — посылается къ жениху ранѣе ¹⁶. Обстановка эта, требующаяся по обычаю въ приданомъ всякой неvěсты, состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: бюро, низенькой конторки или столика для письма; рабочаго ящика; двухъ лакированныхъ подносиковъ или столиковъ для сервировки пищи, со всѣми необходимыми принадлежностями, включая даже и палочки, и, по крайней мѣрѣ, двухъ красивыхъ постельныхъ комплектовъ. Въ одеждѣ, входящей въ приданое, если неvěста изъ хорошей фамиліи, должны быть платья для всѣхъ сезоновъ и красивыя саше безъ числа, такъ какъ неизмѣнность моды япо-

* Женихъ обыкновенно даритъ неvěстѣ кусокъ красивой шелковой матеріи для пояса, или о б. и, и этотъ подарокъ играетъ роль обручальнаго кольца, которое надѣвается на палецъ женихомъ и неvěстой въ Европѣ и Америкѣ ¹⁴. Отъ семейства же неvěсты жениху посылается кусокъ шелковой матеріи, употребляющейся для мужскихъ костюмовъ.

нокъ, вмѣстѣ съ прочностью матеріала для костюма, позволяютъ женщинамъ, при вступленіи въ бракъ, привезти въ домъ своего мужа запасъ платья, который окажется достаточнымъ на всю ея жизнь.

Родители невесты, отдавая свою дочь въ замужество, имѣютъ случай показать степень заботливости своей о ней качествомъ и полнотой приданого, которымъ ее снабжаютъ. Это—ея собственность, и въ случаѣ развода она возвращаетъ въ домъ отца своего весь гардеробъ и домашнюю утварь, которые унесла оттуда, какъ невеста.

Вмѣстѣ съ невестой и ея приданнымъ отъ семейства ея посылаются много подарковъ членамъ семьи жениха. Никто изъ послѣднихъ не забывается: отъ престарѣлаго дѣдушки до младшаго внука,—все получаютъ какой либо сувениръ объ этомъ событіи; даже слуги, до джиннерикшей и бетто (конюховъ), не остаются безъ вниманія. Независимо отъ этого, друзья и родственники невесты и жениха, какъ и въ Америкѣ, присылаютъ молодой четѣ подарки—часто какія либо вещи для домашняго обихода, или же крепъ либо шелкъ для костюмовъ.

Въ старыя времена свадьба происходила днемъ, но теперь она обыкновенно празднуется вечеромъ. Церемонія состоитъ единственно въ формальномъ питьѣ туземнаго напитка (сакэ) изъ чашки съ двумя рыльцами, къ которой женихъ и невеста прикладываются попеременно. Это питье изъ одной чашки является символомъ равномернаго дѣленія радостей и печалей брачной жизни. Во время брачной церемоніи не присутствуетъ никто, кромѣ невесты и жениха, ихъ посредниковъ и молодой дѣвушки, обязанность которой въ томъ и состоитъ, чтобы подносить чашку къ губамъ жениха и невесты. По окончаніи этой

церемоніи свадебные гости, ожидавшие до сихъ поръ въ сосѣдней комнатѣ, присоединяются къ молодымъ, и начинается празднество, сопровождающееся обыкновенно большимъ весельемъ *.

На третій день послѣ свадьбы новобрачные должны сдѣлать семейству молодой визитъ, къ которому тамъ дѣлаются большія приготовленія. Обыкновенно въ честь этого событія собирается много гостей, днемъ или вечеромъ. Молодая пара приносить съ собою подарки отъ семейства мужа, въ отвѣтъ на подарки, полученные ею въ день свадьбы ¹⁷.

Празднества часто начинаются рано днемъ и продолжаются до поздней ночи. Сервируется роскошный обѣдъ, и, для обезпеченія пріятнаго времяпрепровожденія, гостей занимаютъ музыкой и танцами, исполняемыми профессионалистками. Невѣста играетъ роль хозяйки, вмѣстѣ со своей матерью, принимая гостей и поздравленія отъ нихъ, и не оставляетъ родительскаго крова до проводовъ послѣдняго гостя.

Въ теченіе первыхъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы новобрачная пара должна устроить у себя собраніе, или рядъ собраній друзей, что считается оповѣщеніемъ ихъ о состоявшемся бракѣ. Такъ какъ брачная церемонія совершается сравнительно въ интимномъ кружкѣ, и о ней не дѣлается никакихъ объявленій, въ родѣ разсылки нашихъ пригласительныхъ карточекъ, то приглашенія на упомянутыя собранія иногда являются первой официальной вѣстью о бракѣ для многихъ знакомыхъ молодой четы, хотя обыкновенно извѣстіе о немъ распространяется весьма быстро. Гости приглашаются тогда на обѣдъ—въ домѣ

* Многія женщины до сихъ поръ, по универсальному обычаю старины, еще чернятъ свои зубы послѣ свадьбы, по обычай этотъ, къ счастью, быстро выходитъ изъ моды.

молодыхъ или въ чайномъ домѣ—или же на пикникъ въ какомъ нибудь саду; а въ послѣднее время входить въ обычай, среди чиновнаго класса и лицъ высшихъ слоевъ общества, давать балъ по образцу иностранныхъ баловъ.

Надо сказать еще, что въ знакъ благодарности всѣмъ, кто вспомнилъ о молодой парѣ, посылаются въ подарокъ красный рисъ или моччи. Этотъ рисъ приготавливается еще съ большею заботливостью, чѣмъ въ случаѣ посылки такого же подарка при рожденіи наслѣдника.

Въ Японіи обыкновенно не принято, чтобы новобрачные начинали жизнь самостоятельнымъ хозяйствомъ, какъ это принято у насъ. Браки часто совершаются въ раннемъ возрастѣ, даже прежде, чѣмъ мужъ имѣетъ какія-либо средства поддерживать свое семейство; и обыкновенно сынъ съ женой поселяется у своихъ родителей и образуетъ просто новую вѣтвь въ ихъ хозяйствѣ.

Единственнымъ актомъ, дѣлающимъ бракъ законнымъ, является исключеніе въ правительственныхъ книгахъ имени невесты изъ списка членовъ семьи отца ея и внесеніе ея, въ тѣхъ же книгахъ, въ число членовъ семьи ея мужа. Съ этого времени она порываетъ всѣ связи съ домомъ отца, кромѣ сокровенныхъ своихъ чувствъ къ нему, и, по закону и обычаю, дѣлается болѣе близкой къ родственникамъ своего мужа, чѣмъ къ своимъ собственнымъ. Даже упомянутое легальное признаніе ея брака является сравнительно новымъ дѣломъ въ Японіи и служить нѣкоторымъ ограниченіемъ права на разводъ по инициативѣ мужа или распространеніемъ и на жену права на разводъ *.

* Въ 1870 году былъ изданъ законъ, по которому прежде заключенія каждаго брачнаго контракта требовалось официальное

Въ настоящее время въ Японіи брачная связь не считается никоимъ образомъ постоянной, такъ какъ она вполне разрываемъ по желанію той или другой стороны, и общественное мнѣніе, по отношенію къ этому вопросу, въ низшихъ классахъ общества характеризуется фактомъ, что извѣстны случаи, когда мужчина вступалъ въ бракъ и разводился съ новою своею женою нѣсколько разъ. Даже женщина, разведенная послѣ двухъ послѣдовательныхъ замужествъ, иногда выходитъ замужъ и въ третій разъ. Въ высшихъ классахъ боязнь скандала и сплетенъ, которые должны заставлятъ мужа и жену переносить муки несогласной жизни, служить нѣкоторымъ ограниченіемъ свободнаго пользованія возможностью развода; но всетаки даже и въ этихъ классахъ разводы пока еще такъ обычны, что можно встрѣтить много почтенныхъ людей, которые испытали его въ теченіе своей жизни.

Одна статья закона, которая заставлятъ большинство матерей переносить зло неудачной замужней жизни предпочтительнѣе передъ разводомъ, состоитъ въ томъ, что дѣти принадлежать отцу; и независимо отъ того, въ какой мѣрѣ является онъ человѣкомъ неспособнымъ къ надлежащему попеченію о нихъ, право распоряжаться ими, въ случаѣ развода, остается абсолютно за нимъ. Разведенная жена возвращается бездѣтною въ домъ отца своего, и многія женщины, вслѣдствіе этого закона или обычая, дѣлаютъ все, что только можно, для того, чтобы сохранить семью, дѣйствуя тѣмъ болѣе настойчиво и покорно въ этомъ направ-

завленіи о немъ и правительственное разрѣшеніе его. Въ слѣдующемъ году были отмѣнены ограниченія свободы брака, когда женихъ и невѣста принадлежать къ различнымъ классамъ; а два года спустя право исканія развода было предоставлено и женѣ.

вленіи, чѣмъ болѣе жестокимъ и недостойнымъ является мужъ.

Почитаніе предковъ, распространенное въ Японіи, веденіе линіи родства съ мужской только стороны и общепринятое убѣжденіе, что дѣти наследуютъ свои качества скорѣе отъ отца, чѣмъ отъ матери, дѣлаютъ дѣтей собственностью перваго, а не послѣдней. Такимъ образомъ мы часто видимъ въ Японіи, что дѣти отца изъ знатной фамиліи не только наследуютъ его званіе, хотя бы мать была изъ простонародья, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ имъ не позволяютъ даже признавать ее сколько нибудь равной себѣ, и въ то же время не считаютъ, чтобы кровь ея могла передать имъ что либо плебейское.

Даже еслибы законъ позволилъ матери оставить у себя дѣтей въ случаѣ развода, то для нея было бы практически невозможно сдѣлать это. Она не имѣетъ въ такомъ случаѣ никакихъ средствъ для добыванія пропитанія себѣ и имъ, потому что въ Японіи женщинамъ открыто мало путей къ заработку, и разведенная жена принуждена обыкновенно жить на иждивеніи своего отца или кого нибудь изъ своихъ родственниковъ мужского пола. Какъ бы ни отнеслись они къ ней лично, совершенно вѣроятно, что они тяготились бы необходимостью поддержки дѣтей другого семейства, съ которымъ обычай едва ли признаетъ какую либо связь. Дѣти суть дѣти человѣка, котораго имя они носятъ. Если мать ихъ была любимой дочерью въ своей семьѣ, то можетъ случиться, что ея отецъ возьметъ ее съ дѣтьми подъ свой кровъ и будетъ поддерживать ихъ всѣхъ; но это—рѣдкое исключеніе, возможное только тогда, когда мужъ разведенной откажется отъ всякихъ притязаній на своихъ дѣтей.

Мнѣ приходится теперь на память случай, иллюстрирующій сказанное выше, который, я думаю, могу разсказать здѣсь, никого не обижая. Дѣло идетъ, о въ высшей степени привлекательной женщинѣ, которая вышла замужъ за недостойнаго человѣка, но оставалась вѣрной ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и сдѣлалась матерью трехъ дѣтей. Мужъ, который сначала казался только ничтожествомъ, съ годами падалъ все ниже, пропивалъ деньги, терялъ мѣста, которыя доставали ему его вліятельные родственники, и наконецъ дошелъ до того, что даже сталъ бить свою жену и угрожать тѣмъ же дѣтямъ—поведеніе, совершенно необыкновенное со стороны мужа и отца въ Японіи. Бѣдная жена была наконецъ вынуждена бѣжать изъ дома мужа въ домъ матери, взявъ дѣтей съ собою. Она добивалась развода и получила его; затѣмъ ея молодость, красота и большія связи дали ей случай выйти замужъ снова, и на этотъ разъ для счастливой семейной жизни; но дѣти были уже отняты отъ нея и теперь принадлежать всецѣло своему недостойному и пьяному отцу.

Что касается непрочности брачной связи въ низшихъ слояхъ населенія, то я могу иллюстрировать ее интереснымъ примѣромъ семейныхъ перипетій одного изъ моихъ слугъ въ Токио. Человѣкъ, котораго я наняла на двойную должность курумаія и бето или грума, былъ сильный парень, съ пріятнымъ лицомъ и надежный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ только недавно передъ тѣмъ переселился въ Токио изъ деревни. Нанимая его, я спросила, женатъ ли онъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось, чтобы кто нибудь оставался вмѣсто него смотрѣть за лошадыю, когда онъ отлучится изъ дома со мною въ качествѣ курумаія. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что у него есть жена, живущая пока въ Утсу-

номійѣ—селѣ, изъ котораго онъ пришелъ,—но что онъ сейчасъ пошлетъ за нею, и она будетъ въ Токио черезъ недѣлю или двѣ. Срокъ этотъ прошелъ, а жена его не появлялась, и я спросила своего повара, что случилось съ женою Ясаку. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ нѣкоторымъ лукавствомъ, что она нашла работу въ Утсуномійѣ и не желаетъ жить здѣсь. Прошла еще недѣля, а жены моего курумаи еще не было, и на дальнѣйшіе вопросы мои поваръ сообщилъ мнѣ, что Ясаку развелся съ нею за непослушаніе ея и ищетъ теперь для себя новую помощницу, болѣе послушную. Первой его мыслью было обратиться къ одной служанкѣ въ японскомъ семействѣ, которая жила въ одномъ домѣ со мною—широколицей, краснощекой крестьянкѣ весьма невысокихъ умственныхъ способностей. Но затѣмъ онъ отказался отъ этого, сообразивъ, что было бы невѣжливо отнимать прислугу у моихъ друзей. Поэтому онъ обратился за посредничествомъ къ своему другу, жившему въ Токио; но, видимо, деревенскія манеры Ясаку пришлись не по вкусу токійскимъ дѣвушкамъ, потому что онъ не имѣлъ успѣха и въ концѣ концовъ вынужденъ былъ написать своему отцу въ Утсуномійѣ, прося его выбрать ему жену и привезти ее въ Токио.

Недѣли черезъ двѣ наконецъ прислуга передала мнѣ, что со слѣдующимъ утреннимъ поѣздомъ пріѣзжаетъ новая жена Ясаку. Въ квартиркѣ моего бѣто, возлѣ конюшни, шли большія приготовленія для пріема невесты. Полъ былъ покрытъ только что купленными хорошенькими бѣлыми и чистенькими циновками; на поджи была натянута новая бумага; стѣны покрылись яркими цвѣтными картинками, и различная домашняя утварь почти обанкротила Ясаку, не смотря на большое жалованье его—10 долларовъ въ

мѣсяцъ. Онъ заказалъ устройство праздника „на славу“ въ сосѣднемъ чайномъ домѣ, напечаталъ визитныя карточки на англійскомъ и японскомъ языкахъ и уже такъ издержался, что долженъ былъ отдать въ залогъ свое зимнее платье для полученія необходимыхъ денегъ.

Назначенный для свадьбы день былъ дождливый, но Ясаку всетаки провелъ его во встрѣчѣ поѣздовъ; невеста однако не показывалась, и ночью онъ, огорченный, возвратился домой и закурилъ свою ночную трубку у одинокаго хибаги. Безъ сомнѣнйя, онъ былъ не только огорченъ, но и разсерженъ, потому что написалъ рѣзкое письмо своему отцу, что если невеста не придетъ на слѣдующій день, считающійся счастливымъ для свадьбы (ни одинъ японецъ не изберетъ для свадьбы несчастливаго дня), то они могутъ отправить ее назадъ въ домъ отца ея, потому что тогда онъ уже не захочетъ ея. Это письмо сдѣлало свое дѣло, и около 10 дней спустя, т. е. въ ближайшій счастливый день, невеста появилась. Я дала Ясаку два дня свободы, съ условіемъ, что если ему придется развестись и съ этой женой, то я уже не допущу третьей его свадьбы, пока онъ у меня на службѣ. Вечеромъ на второй день невеста пришла засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе, бросившись ницъ передо мной по старо-японскому обычаю и буквально дрожа отъ волненія при этомъ первомъ знакомствѣ своемъ съ иностранкой. Это была дѣвушка мало привлекательной внѣшности, толстая и неуклюжая, и, я думаю, старше, чѣмъ хотѣлось бы Ясаку; по крайней мѣрѣ онъ и на первыхъ уже порахъ, казалось, не былъ доволенъ ею, а черезъ два мѣсяца отправилъ ее къ родителямъ, готовый начать новые поиски для удовлетворенія своихъ брачныхъ вожделѣній.

А вотъ другой примѣръ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является женщина. Однажды, когда я была въ гостяхъ у японской дамы, занимающей высокое положеніе и держащей цѣлую свиту слугъ, вошедшая ко мнѣ съ чайнымъ приборомъ женщина начала кланяться и улыбаться мнѣ, какъ будто старая знакомая, встрѣтившаяся со мной послѣ долгаго отсутствія. Такъ какъ я бывала въ этомъ домѣ почти каждый день, то мало удивилась такому радушію, которое совершенно отличалось отъ формальнаго поклона прислуги гостямъ хозяйки при обыкновенныхъ условіяхъ. Когда она вышла, то хозяйка сказала мнѣ: „вы видите, О Кикю вернулась“. Такъ какъ я не знала, что женщина уходила изъ этого дома, то ея возвращеніе мало интересовало меня, пока не выяснилось въ чемъ дѣло. Оказалось, что около мѣсяца назадъ она оставила домъ хозяйки для выхода замужъ; но наканунѣ этого моего визита она спокойно вернулась и объявила хозяйкѣ, что если та возьметъ ее опять къ себѣ, то она съ удовольствіемъ останется. Хозяйка спросила, что случилось съ ней,—быть можетъ, она нашла, что мужъ ея недостаточно добръ. Нѣтъ, мужъ былъ очень пріятный, добрый и ласковый человѣкъ, но мать его была просто невыносима, заставляя ее работать такъ сильно, что рѣшительно не давала ей отдыха. Она знала и до свадьбы, что ея будущая свекровь — очень строгая хозяйка, но тогда женихъ общалъ, что его мать будетъ жить со старшимъ братомъ, а что онъ будетъ вести со своею женой совершенно независимое и отдѣльное хозяйство. Такъ какъ мать жила тогда, дѣйствительно, со своимъ старшимъ сыномъ, то было невѣроятно, чтобы она ушла отъ него къ новобрачному сыну, и О-Кикю-санъ вышла замужъ въ этомъ предположеніи. Но оказалось,

что жена старшаго брата была и лѣнива, и сварлива, а новая жена младшаго брата—трудолюбива и добра. Такъ какъ главнымъ желаніемъ матери было жить тамъ, гдѣ удобнѣе и пріятнѣе, то она переселилась къ младшему сыну и сдѣлала своей новой невѣсткѣ жизнь такой тяжелой, что та скоро употребила всѣ усилія для того, чтобы уйти отъ своего мужа, просила развода, получила его и пришла на свое старое мѣсто, какъ разъ черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы.

Однако наши читатели не должны предполагать, на основаніи приведенныхъ выше примѣровъ, что въ Японіи мало счастливыхъ браковъ, или что при всякомъ положеніи мужа разводы случаются заурядъ. Напротивъ, приходится удивляться не тому, что тамъ такъ много разводовъ, но тому, что тамъ такъ много счастливыхъ браковъ, при взаимной преданности и вѣрности мужей и женъ. Для дворянина въ старыя времена разводъ съ женою былъ бы скандаломъ и предметомъ большого осужденія, почему случался весьма рѣдко. Если жена не нравилась мужу, то онъ старался не имѣть съ ней никакихъ сношеній: ея комнаты, завтраки и обѣды, прислуга и т. п. были совершенно отдѣлены отъ его, но онъ рѣдко отнималъ отъ нея свое имя, какъ ни призрачно оно было. Она обыкновенно происходила изъ какой либо благородной фамиліи, почему между ея и его родней возникли бы большія затрудненія въ случаѣ развода. Также и самураи, вмѣстѣ съ лояльностью къ своимъ лордамъ, соединяли и лояльность по отношенію къ своимъ женамъ; и много написано рассказовъ и разыграно въ театрѣ пьесъ, въ которыхъ фигурируетъ взаимная преданность мужа и жены. Тихая, не демонстративная любовь, хотя и весьма отличающаяся отъ бурной любви, описываемой въ повѣстяхъ девят-

надцатаго столѣтія, быть можетъ, ближе къ правдѣ жизни.

Между купцами и въ населеніи низшаго класса идеаль нравственности былъ и есть, быть можетъ, ниже, чѣмъ въ высшихъ классахъ; но немногіе годы, протекшіе послѣ революціи 1868 года, не даютъ настоящихъ образчиковъ того, чѣмъ была старая Японія въ былое время. Дворяне, самураи и купцы должны были много перетерпѣть въ великихъ государственныхъ и соціальныхъ переворотахъ Японіи, и, какъ это всегда бываетъ въ переходныхъ періодахъ, старые обычаи и ограниченія и старые идеалы нравственности были разбиты безъ замѣны ихъ новыми. Нѣтъ сомнѣнія, что люди предались излишествамъ всякаго рода, и что разводы сдѣлались болѣе частыми въ послѣдніе годы ¹⁸.

Наша маленькая японка знаетъ, — когда чернить свои зубы, надѣваетъ свадебное платье и собирается невѣстой въ путь, въ домъ своего будущаго мужа, — что единственно отъ ея поведенія зависятъ шансы на счастливую жизнь. Она должна быть съ этого момента собственностью человѣка, о которомъ, вѣроятно, знаетъ мало и который имѣетъ власть, по всякому капризу, отправить ее назадъ въ домъ ея отца, отнявъ у нея дѣтей, оставивъ ее безъ всякихъ средствъ къ пропитанію или надежды на лучшее будущее, за исключеніемъ случая, когда, можетъ быть, какой либо другой мужчина пренебрежетъ позоромъ ея развода и, женившись на ней, дастъ ей возможность занять въ домѣ положеніе не служанки и не рабы. Что это зло излечится со временемъ, — въ томъ, кажется, мало причинъ сомнѣваться; но, по крайней мѣрѣ теперь, „различные повара, которые заняты приготовленіемъ тѣста новой цивилизаціи“, несогласны между собою

въ отношеніи того, какія дрожжи необходимы для надлежащаго поднятія его. Консерваторы горячо желаютъ сохранить подчиненное и зависимое положеніе женщинъ, вѣря, что только такими средствами женскія добродѣтели могутъ быть сохранены. Болѣе молодые японцы, иностраннаго воспитанія, хотѣли бы влить въ кипящій котелъ ароматъ культуры и провести въ жизнь болѣе широкіе взгляды, потому что такими мѣрами они надѣются обезпечить для обѣихъ сторонъ въ бракѣ болѣе счастливый семейный очагъ и лучшихъ матерей для своихъ дѣтей. Миссіонеры и туземные христіане думаютъ, что, когда вся смѣсь современныхъ воззрѣній пропитается практическими требованіями христіанства, то желаемый результатъ будетъ достигнутъ. Всѣ согласны въ томъ, что сильное общественное мнѣніе необходимо прежде, чѣмъ усовершенствованное законодательство будетъ имѣть серьезныя послѣдствія; и дѣйствительно, законодательство остается пока на заднемъ планѣ, въ ожиданіи времени, когда этой мѣрой можно будетъ выйти на вѣрный путь.

Обсудимъ два средства, рекомендуемые реформаторами, и рассмотримъ, какія послѣдствія имѣло каждое изъ нихъ до сихъ поръ, и чего можно ожидать отъ нихъ въ будущемъ. Остановившись сперва на воспитаніи, посмотримъ, что сдѣлало оно для женщины въ смыслѣ поднятія идеаловъ старой Японіи? Во многихъ счастливыхъ современныхъ домахъ есть мужья, воспитанные за границей и знакомые до известной степени съ семейной жизнью въ иностранные земли; поэтому они желаютъ имѣть женъ съ большей умственной культурой и смотрѣтъ на нихъ, какъ на друзей и довѣренныхъ своихъ, а не какъ на ключницы только и старшихъ служанокъ. Въ та-

кихъ домахъ жена имѣетъ свободу, если, быть можетъ, и не такую, какъ жены въ Америкѣ, то не меньшую, чѣмъ большинство европейскихъ женщинъ. Въ такихъ домахъ царятъ любовь и равенство, и могущество свекрови ослаблено. Ей оказываютъ должное почтеніе, но она рѣдко пользуется тѣмъ деспотическимъ владычествомъ, которое часто дѣлаетъ съ первыхъ же дней жизнь новобрачной женщины въ Японіи столь тяжелою. Семейства этой категоріи распространяютъ въ обществѣ здоровыя вліянія, которыя съ каждымъ днемъ оказываютъ свое дѣйствіе и поднимаютъ положеніе женщины въ Японіи.

Но для молодой дѣвушки, умственный кругозоръ которой расширенъ новымъ воспитаніемъ, и которая выходитъ замужъ,—какъ къ этому вынуждено большинство японскихъ дѣвушекъ,—не по влеченію своего сердца, но изъ повиновенія волѣ родителей, предстоитъ трудная жизнь. Воспитаніе женщины, согласно старому режиму, хорошо приспособляло ее для того положенія, которое она должна была занять. Болѣе широкое современное образованіе не можетъ не повести къ тому, чтобы она „сильнѣе чувствовала боль“, и дѣлаетъ ее несчастной тамъ, гдѣ она могла бы быть счастливой. Съ умомъ и характеромъ, развитыми воспитаніемъ и образованіемъ, она можетъ быть обязанною войти въ домъ родныхъ своего мужа для того, чтобы быть тамъ одною изъ многихъ подъ общей кровлей. Въ дѣлѣ воспитанія и обученія своихъ дѣтей, въ заботахъ объ ихъ и своемъ здоровьѣ, ея желанія и сужденія часто должны уступать предразсудкамъ „старшихъ“, авторитету которыхъ она должна подчиняться,—и не прежде, чѣмъ пройдетъ много лѣтъ, она, быть можетъ, займетъ положеніе, при которомъ будетъ вліять до нѣкоторой степени

на жизнь близких и дорогих ей сердцу. Жизнь ее должна проходить всецѣло въ кругу домашнихъ интересовъ, безъ всякой возможности войти въ общеніе съ тѣмъ широкимъ міромъ, о которомъ она читала, пока училась. Въ самомъ дѣлѣ, ее жребій тяжелѣе, чѣмъ жребій женщины старой эпохи, которая видѣла истинную обязанность свою всегда въ колѣѣ слѣпного послушанія старшимъ и которая никогда, ни на одну минуту, не считала послушанія указаніямъ своего собственнаго разума и совѣсти обязанностью высшей, чѣмъ слѣдованіе желаніямъ мужа и родителей. Воспитаніе, безъ дальнѣйшаго улучшенія жребія женъ и матерей, можетъ имѣть одинъ только результатъ: неудовлетворенность и несчастье женщинъ, а во многихъ случаяхъ и истощеніе здоровья подъ вліяніемъ постоянныхъ огорченій и подавленія собственныхъ желаній.

Для поверхностныхъ наблюдателей такое положеніе дѣла можетъ показаться скорѣе шагомъ назадъ, чѣмъ впередъ, и по этой причинѣ можно замѣтить теперь въ Японіи сопротивленіе прогрессу женскаго воспитанія. Одному или двумъ поколѣніямъ женщинъ, воспитанныхъ въ духѣ новаго времени, придется вытерпѣть много страданій ради блага грядущихъ поколѣній; немногимъ еще мучительность такихъ страданій понятна, и нерасположеніе со стороны образованныхъ дѣвушекъ къ браку, существующее теперь въ Японіи, истолковывается, какъ вѣрный признакъ того, что современное образованіе — зло. Безъ нѣкоторой перемѣны въ положеніи жены и матери это чувство недовѣрія къ образованію выростетъ въ абсолютное осужденіе его, если женщины будутъ продолжать воспитывать въ духѣ идей Запада.

Второе лекарство къ излеченію этой общественной

болѣзни надо видѣть въ христіанствѣ, которое и теперь дѣлаетъ уже свое дѣло. Во всякомъ христіанскомъ домѣ въ Японіи жена и мать занимаютъ положеніе такое же, какъ и въ христіанскихъ странахъ. Христіанинъ, избирая себѣ жену, чувствуетъ, что, вступая въ союзъ съ нею, онъ заключаетъ не обыкновенный контрактъ, который можетъ быть нарушенъ во всякое время договаривающимися сторонами, но что это—союзъ на всю жизнь. Вслѣдствіе этого онъ дѣлаетъ свой выборъ съ большею тщательностью, дольше и глубже обдумываетъ личныя свойства дѣвушки, на которой собирается жениться. Такимъ образомъ является больше шансовъ на установленіе съ самаго начала счастливой семейной жизни, и семьи, въ которыхъ наблюдаются такія условія, широко распространяютъ нынѣ свое благотворное вліяніе. Христіанство въ будущемъ сдѣлаетъ много для направленія общественнаго сознанія на вѣрный путь и можетъ считаться надежною силой, которая со временемъ скажется мощными проявленіями въ жизни народа.

Наконецъ, можно разсчитывать еще на одну мѣру, какъ предшествующую надлежащему законодательству или какъ на необходимую спутницу его, это—открытіе путей къ заработку для женщинъ, и особенно для женщинъ цивилизованныхъ классовъ. Нынѣ замужество, какъ бы неприглядно оно ни было, является единственной перспективой для женщины, потому что она ничего не можетъ сдѣлать для поддержанія своего существованія и не можетъ требовать отъ своего отца средствъ къ жизни послѣ того, какъ достигла зрѣлаго для замужества возраста. Когда новые пути для матеріальнаго обезпеченія женщины раскроются, и она получитъ возможность видѣть въ пер-

спективѣ способы существованія своимъ собственнымъ трудомъ, тогда умная дѣвушка средняго класса не будетъ болѣе смотрѣть на замужество, какъ на неизбѣжность, но будетъ вступать въ бракъ только тогда, когда ищущій руки ея можетъ обѣщать ей любовь, уваженіе, дружбу и ласку. До сихъ поръ для женщины въ Японіи мало путей къ заработку иначе, какъ въ качествѣ учительницы; но даже и эта перемѣна положенія вещей уже образуетъ классъ женщинъ, — хотя еще малочисленный, но увеличивающійся ежегодно, — которыя наслаждаются независимою жизнью, несмотря на то, что она требуетъ болѣе тяжелаго труда, чѣмъ жизнь замужней женщины. Въ этомъ классѣ мы находимъ самыхъ развитыхъ, образованныхъ и почтенныхъ женщинъ новой Японіи, и ростъ его является однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ, что настоящее состояніе законовъ и обычаевъ, касающихся замужества и развода, такъ не удовлетворительно по отношенію къ женщинамъ, что съ этимъ зломъ непремѣнно надо бороться, если только японцы не хотятъ имѣть въ качествѣ своихъ женъ и матерей наименѣе образованныхъ и интеллигентныхъ женщинъ своей страны.
